

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ АГАХАН

Даже и не вспомню, как мы познакомились... Вероятнее всего, мой знакомый из соседнего подъезда, Пётр, остановился на своей машине, чтобы подвезти меня, а там сидел герой моего рассказа, кавказец с чёрными жгучими глазами и чёрной густой шевелюрой, обрамляющей загорелое лицо приятной внешности. Мы перекинулись незначительными любезностями, после чего я должна была забыть случайного попутчика навсегда.

Но не тут-то было. Не знаю, что Пётр наговорил про меня, но сердце джигита дрогнуло, и началась атака на свободную к тому времени и ещё молодую женщину.

Как будто невзначай он стал появляться на моих творческих вечерах с шикарными букетами цветов.

Случайно проезжая мимо, забрасывать нам по несколько мешков болгарского перца...

Случайно оказываться в одной компании общих друзей...

Как будто всё было дело случая. Представлялся он как одинокий путник, Агахан.

Но городок наш – далеко не Москва, поэтому нашлись общие знакомые, которые открыли мне глаза на незадачливого ухажёра. Оказывается, на его родине, в далёком Дагестане, ждала его законная жена с тремя детьми. Здесь он обзавёлся ещё одной (запасной) женой, успев родить ещё ребёночка. Но так как своим национальным привычкам – регулярно побивать избранницу – следовал с завидным постоянством, то запасная, русская, жена не выдержала и выставила его из дома. Поэтому он искал временное пристанище... И неважно, что у меня тогда было семеро по лавкам, это его не смущало. Его целью стала моя квартира, моя жилплощадь. И под каким только соусом и самыми вескими аргументами он не уговаривал меня продать свою квартиру и... Вариантов предлагалось достаточно. Но когда он наконец окончательно убедился в том, что я буду как скала отстаивать своё жилище, отступил, поехать покорять другие вершины, или сердца, или квартиры...

Да, я слышала, что он занимался квартирными махинациями, перевозкой запрещённых товаров,

прикрывая свою бурную деятельность обычной работой шофёра... Но это всё прелюдия. Как он умел пустить пыль в глаза! Однажды, организовывая вечер бардовской песни, мы решали вопрос посильного вклада каждого, потому что бесплатное творчество, как известно, кануло в Лету. И тогда мой джигит Агахан, с гордым, как у орла, взглядом и не менее гордым видом, сказал: «Я за всё плачу!»

В общем, добивался он моей квартиры (ну конечно же, не моего сердца!) напористо, правда, недолго. Когда идея квартиры ему показала огромный кукиш, он придумал другую, не менее замечательную идею.

Что его к этому подвело, даже трудно предположить, только втемяшил он себе в голову, что надо ему стать знаменитым поэтом. Он думал, что все двери сразу начнут перед ним открываться, женские сердца плавиться или таять, это уж как повезёт. Что на Родине его вообще будут на руках носить...

Пыталась я его отговорить от этой затеи, объясняя, что лучше быть хорошим шофёром, чем «начинающим» поэтом. Но я же говорила, что он упрямый. Денег не жалел, чтобы я из его «уродца» кое-что более-менее удобоваримое слепила. А лепить-то не из чего было. Для того чтобы писать по-русски стихи, нужно хотя бы говорить по-русски... Я не понимала смысла фраз, не понимала ход его мыслей (мыслил-то он тоже не по-русски...). Но никакие уговоры одуматься на него не действовали. Что ж, пришлось из этой абракадабры вылавливать едва уловимый смысл и заново переписывать всё, естественно, грамотно оформив это в уже мною написанные стихи... Вы бы видели его глаза! Он радовался как ребёнок.

– Неужели это я так написал? А ты говорила, не получится. Другьям читал, ты знаешь, уважать стали. А девушки... прям...

Тут он понял, что может лишнего сболтнуть, и плавно перевёл тему в нужное русло. Хотя мог и не стесняться. Обо всех его похождениях я легко узнавала и без особых усилий. Наши общие знакомые, не боясь сгустить краски, сами мне об этих похождениях и рассказывали:

– А ты знаешь, наш орёл-то что вытворил... – и начинался очередной анекдот о штурме неприступной крепости по имени Даша, Катя, Лена и т.д.

Однажды Агахан пришёл уж очень задумчивым.

– Что случилось, Агахан, какой-то ты грустный...

– Да так, ничего особенного.

– Влюбился, что ли? – решила я ему помочь.

– Да, вот только она меня не любит. Я принёс новые стихи, сейчас покажу.

На тетрадном листке очень чётко и грамотно было написано стихотворение о любви.

– Это ты написал? Сам?

– Всю ночь не спал, писал...

Стихи становились всё интереснее, куда там мне... И мысли, и мастерство, и высокий стиль!

Я его похвалила, хотя прекрасно понимала, что здесь что-то не то...

Секрет раскрылся, когда он пришёл ко мне со стихотворением «Я тебе ничего не скажу»:

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдёт,
Раскрываются тихо листья
И я слышу, как сердце цветёт.
И в большую, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Причём читал он с таким вдохновением, напускной грустью, что, едва скрывая смех, я его всё-таки спросила:

– Какое-то стихотворение очень знакомое, мне кажется, что до тебя его уже Фет написал.

– Какой Фет, не знаю никакого Фета! Это он у меня украл! И за свои выдал.

– Ну да, ну да, двести лет назад.

– Ты что, мне не веришь? Да спроси у Дианки. Я ей диктовал, она записывала...

Так-так, понятно, откуда ноги растут. Ай да Дианочка, ай да молодец! Я хорошо знала эту восточную красавицу, поэтому, когда Агахан благополучно уехал по своим срочным делам, не поленилась перейти дорогу и навестить Диану.

Мы знали друг друга по каким-то общим тусовкам, концертам, где я читала стихи, а она танцевала свои неотразимые восточные танцы. Судьба у неё складывалась не очень удачно, хотя мужчины в неё чаще всего влюблялись с первого взгляда. Но им, этим мужчинам, всегда хотелось и первой ночи, а Дианке хотелось просто жить, воспитывать своего ребёнка в гордом одиночестве (с некоторых пор в мужчинах она была совершенно разочарована). А тут Агахан подвернулся со своими стихами. Ну она, не будь дурой, подыграла ему... Благо запас стихов, которые она учила в школе, да и после школы, у неё оказался почти неисчерпаемым.

Представьте такую картину. Сидит задумчивый Агахан с тетрадкой, смотрит глазами влюблённой коровы на свою ненаглядную, пытается ей на ломаном русском... Да, да, именно на ломаном, со страшным акцентом. Я даже повторять это не пытаюсь, поэтому передаю только смысл его фраз:

– Ты такая красивая. Сейчас вечер. Свечи так тебя красиво освещают...

– Я помню чудное мгновенье... – Дианка, делая вид, что ей эта фраза только что свалилась с небес,

медленно-медленно и монотонно декламирует: «Передо мной явилась ты»...

Агахан судорожно хватается за ручку и начинает записывать. Шедевр выдан на-гора!

Дианка молодец, решила проучить резвого кобеля по полной программе! За своё вдохновение получила не только очень хороший гонорар, но и длинную норковую шубу бывшей жены «поэта», зимнюю шапку из того же зверя, золотое колечко на память. Новоявленный гений-ухажёр успел ей сделать предложение, вот только не знал, что красавица через несколько дней упорхнёт в неизвестном никому направлении... Ну что ж, искусство требует жертв. А гениальное по-прежнему!

Через неделю приходит ко мне Агахан ниже травы, тише воды.

– Вот, принёс последнее стихотворение.

– Почему последнее?

– Вдохновения нет. Уехала моя красавица, куда – никто не знает. А я её замуж звал! *(Понятно, что жениться хотел.)* Подарки дарил, денег дал взаймы. *(Ну-ну, рассказывай мне сказки...)*

– Ну, давай своё последнее стихотворение, читай!

Он выдал мне Пушкина по полной программе.

– Пушкин, – твёрдо сказала я.

Нет, к такой наглости, я, конечно, не была готова. Ну ладно – не очень известные для общей публики

поэты, но уж Пушкина-то все в школе учили... Читали, по крайней мере.

– Какой Пушкин? Я сам всю ночь писал!

– Ну конечно, бывает... Некоторые выходят на контакт с потусторонним миром, связываются с душами умерших, и они им передают какую-то информацию...

– Какую информацию! Клянусь мамой, сам всё сочинил!

Переубеждать его не было смысла. Я открыла томик Пушкина, указала прочитанное стихотворение:

– Смотри, слово в слово! Как это Пушкин сотни лет назад смог содрать твоё стихотворение? Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!

Гению было нечем крыть, но он стоял на своём. У нас никто не знает ни твоих Пушкиных, ни Фетов, ни Тютчевых, поэтому я всё равно издам свой сборник у себя на Родине, подарю друзьям, родным, пусть гордятся мной!

– Да пусть гордятся. *(Если больше нечем гордиться, – добавила я уже мысленно.)*

С тех пор мы уже больше не виделись с гениальным джигитом, но, может быть, где-то в далёком дагестанском селении мои стихи рядом с незабвенными произведениями русских классиков читают его односельчане, приговаривая:

– Вай, вай! Ай да Агахан, ай да молодец! Орёл, поэт и просто красавец!

КАК ПОД КОПИРКУ

Что касается воровства поэтического слова, то это явление не такое уж редкое. Когда я занималась в ЛИТО «Зарница», которое возглавлял Кирсанов А. Ф., он нас учил искать образы, неповторимые словосочетания, идею или внутреннее содержание стихотворения. Всё остальное можно доработать с помощью шлифовки, огранки, придавая стихотворению надлежащий вид. Он очень негативно относился к воровству чужих образов, строк, мыслей. Эта закладка, та основа творчества, отложилась в нас, его учениках, на долгие годы.

Иногда, бороздя необъятные просторы интернета, не устаёшь удивляться, с какой лёгкостью осуществляется воровство чужих идей, образов, сюжетов... Там подсмотрел, там стянул, чуть приукрасил или на свой лад переделал – и, глядишь, новопечённый пирог преподнёс неприязнительному читателю, который будет восхищаться таким «шедевром».

Да и чему удивляться, если подобная картина стала повсеместной. Смотришь порой сериал, думаешь: а дальше будет то-то и то-то... Так и есть. Ну хоть бы сюжет меняли... Самое «прикольное», что актёры играют тоже в основном одни и те же... Смотришь, на одном канале главный герой совер-

шает подвиг, на другом тот же герой, но в другом сериале, уже очередной подвиг совершил. Ей-богу, становится понятным, почему многие отказываются смотреть этот ширпотреб, да и вообще телевизор...

Однажды на заседание ЛИТО пришёл новенький. Он внимательно слушал, даже несколько вопросов задал мэтру. Что-то записывал в свою тетрадь. Потом принёс показать свои пробы пера. Обычно мы сдавали «на проверку» свои опусы, после чего следовал подробнейший разбор полётов... Кирсанов вырастил достойную смену, поэтому с лёгкостью отдавал на проработку тексты новичков уже более зрелым, проверенным в поэтических «сражениях» поэтам. В их числе спустилось несколько лет занятий оказалась и я. И, конечно, очень гордилась доверием Учителя. Прочитав «бред сумасшедшего», я посоветовалась с Александром Фёдоровичем, как лучше объяснить человеку, что пишет он, мягко говоря, очень слабо. К счастью, эту миссию взял тогда на себя сам Кирсанов.

Долгие годы общения с этим удивительным человеком я поражалась, как нежно, без какого-либо унижения, тем более оскорбления, мог он указать на ошибки, подсказать нужный ход, даже сказать то главное, что не всем дано быть писателями, но гра-

мотный и вдумчивый читатель – не менее ценное качество. Так примерно было сказано и новенькому.

Видимо, поняв фразу наставника очень субъективно, наше «юное дарование» стало приносить на проверку тексты стихов, написанных безукоризненно. В то время в «Коломенской правде» регулярно печаталась страница с новыми стихами поэтов Коломны. Да, представляете, было и такое! Но стихи новичка Кирсанов не спешил публиковать. Тот очень обижался по этому поводу, однажды даже взорвался: «Чем мои стихи хуже остальных? Почему вы меня не печатаете?»

– Хорошо, напечатаем, – ответил спокойно мудрый учитель.

Но этому осуществиться было не дано. Был в наших тесных и дружественных рядах скорее читатель, чем писатель, потому что он очень редко приносил свои стихи, прекрасно осознавая, что до уровня мастера ему всё равно не подняться. Звали его Рудольф. Читал он много, в том числе и современных авторов. Поэтому раскусить новичка он смог без труда. Помню, Кирсанов, всегда такой спокойный и уравновешенный, был просто в бешенстве. Он это «юное дарование» чиховстил так, что только перья летели... А мы постигали, таким образом, науку правильного отношения к творчеству.

Некоторые, конечно, уходили от Кирсанова в обиду. Те, которые не считали нужным приобрести элементарные знания в области стихосложения, хотя бы почитать книги по литературоведению, чтобы усвоить основы, без которых не может состояться поэзия. Они считали себя уже состоявшимися поэтами, срифмовав кое-как несколько строчек, воображая, что уже создали нечто достойное восхищения. Конечно, если твоим творением восхищается жена на кухне или друг-собутыльник, это совсем не значит, что оно вызовет такую же бурю восторга у людей, хотя бы немного разбирающихся в поэзии... Не понимали... Уходили, затаив обиды... Были и такие.

Я совершенно не удивляюсь тому, что многие считают, будто пишут стихи. Меня удивляет то, что они не хотят признать свою полную безграмотность в этом деле. Ну ладно, если ты читаешь свои «шедевры» только друзьям, знакомым, которые поаплодируют тебе, и ты будешь счастлив бесконечно. Но ведь этакий полуфабрикат можно услышать сейчас и с главных сцен страны! Грубые элементарные и недопустимые ошибки стали нормой «звёздной пыли». Меня это не только настораживает, но и, честно говоря, оскорбляет. Вся страна, заражённая славой кумиров, поёт ахинею, даже не задумываясь над смыслом, о грамотности текстов я вообще молчу... Как это стало допустимо? Неужели некому подсказать, подправить тексты? Довести хотя бы до уровня элементарной грамотности...

Я перестала слушать концерты наших звёзд именно потому, что я умею СЛУШАТЬ! Один раз слушаешь, пожмёшь удивлённо плечами, второй раз повторять эту попытку над собой уже не хочется. Конечно, любой может допустить ошибку, но когда это сплошь и рядом, начинает наводить на определённые мысли... Невольно возникает вопрос: «Результат, а вы вообще в школе-то учились?»

Воровство текстов, мыслей стало каким-то обыденным делом. Не буду называть имён этих поэтов, но с некоторых пор, посещая уже другое ЛИТО, я стала замечать, что после прочтения моих новых стихов перед посетителями, то у одного, то у другого поэта стали «рождаться» аналогичные стихи, на ту же тему, но под другим соусом, конечно же, выдаваемые за свои личные открытия... Но идеи, смысловая основа, какие-то яркие словосочетания выдавались как под копирку. Сначала меня это настораживало, потом забавляло, а потом я совсем перестала посещать ЛИТО, благополучно возглавив своё собственное, благо условия к тому мне были в тот момент предоставлены.

Вспоминается случай большой давности. Тогда я была участницей одного из южных ЛИТО. Всех вспоминаю с огромной благодарностью и любовью. Но так случилось, что долгие годы меня не было в тех местах. Лишь спустя лет десять я вновь посетила этот чудный край, сразу же побежала обниматься с моим любимым главным редактором, которая по совместительству возглавляла это ЛИТО. После того как все накопившиеся новости были исчерпаны, она, как бы извиняясь, рассказала мне историю, которая её лично очень огорчила. Оказывается, убедившись, что я исчезла из поля зрения на годы, один из поэтов стал потихоньку выкладывать мои стихи, выдавая их за свои. К сожалению, подвох обнаружили не сразу. Его, конечно, разоблачили, пожурили, объяснили, что так делать нехорошо. Но осадок у всех после этого остался очень нехороший. Я успокоила мою самую лучшую из редакторов, убедив её в том, что совершенно не стоит огорчаться по этому поводу. Есть другие, более интересные темы и планы. А планов было тогда, конечно, просто море!

Я вот думаю: те основные правила, тезисы, заповеди, которые каждый должен зарубить себе на носу: «Не убей!», «Не укради!» и т.д., – разве они не относятся и к литературе, и к искусству? К любой сфере нашей жизни... Разве нет?

